

Калорифер для санных поездок.

тепла. При таком калорифере в самую холодную пору мы имели возможность в палатке раздеваться.

Этот способ отопления имел два недостатка. Во-первых, очень быстро нагревался резервуар примуса. С этим мы боролись просто: ставили примус в тазик, наполненный снегом; снег постепенно таял и охлаждал резервуар. Во-вторых, палатка наполнялась отработанными газами. Этот второй недостаток в палатке почти не ощущался благодаря особому свойству парусиновых стен легко самовентилироваться. Только внутренние стороны палатки быстро покрывались копотью.

Этот опыт со всеми его удачами и неудачами и натолкнул меня на мысль применить такое же отопление в аграх, используя для отопления бензин. Если бы удалось соорудить такое приспособление, которое работало бы круглые сутки и так, чтобы при этом не нагревался резервуар примуса, то устранить остальные недостатки было бы просто.

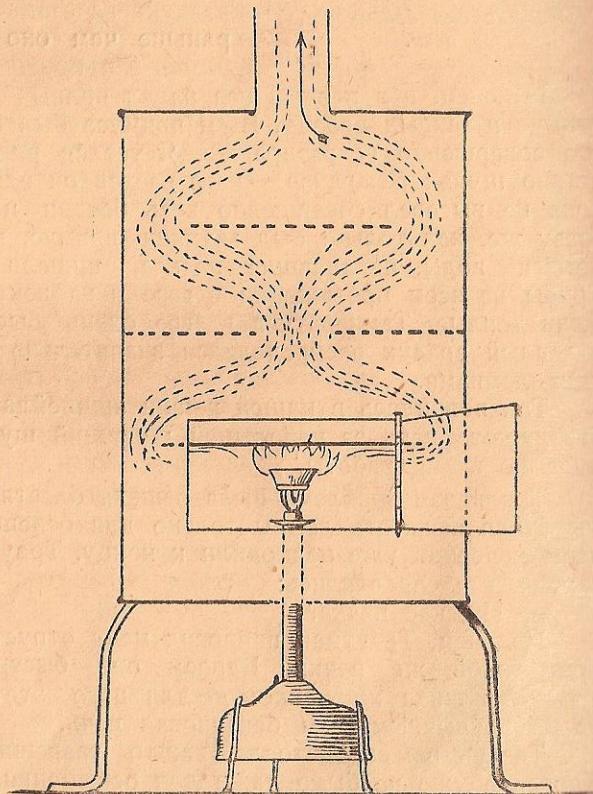
Я знал, что резервуар нагревается за счет тепловых лучей, отраженных от горелки. Если на примус ничего не ставить, то он нагревается не так быстро, как в том случае, если на него поставить кастрюлю или чайник. Значит, резервуар нагревается тем больше, чем больше падает на него отраженных тепловых лучей; надо как-то изолировать резервуар от тепловых лучей и сделать трубку, на которую навинчивается головка, возможно более длинной.

Решил испортить один примус для опытов. Отрезал патрубок, в который ввинчивается головка, добыл медную трубку нужного сече-

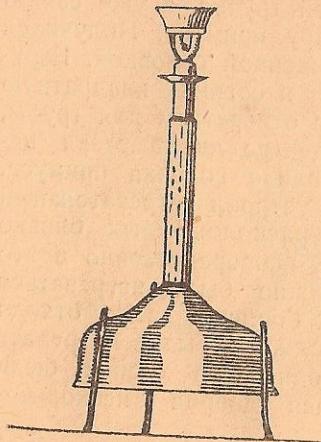
ния и обрезок патрубка припаял серебром к этой трубке, а уже самую трубку обычным третником припаял к резервуару примуса. Получился примус с удлиненной шейкой и высоко расположенной головкой. Верхние ножки отпилил. Затем из толстой жести я согнул квадратную печку, вытянутую кверху, закрыл ее крышкой с отверстием для трубы, а дно печи устроил глухим. Только в самом центре дна вырезал небольшое отверстие, чтобы только-только проходила головка примуса. К низу печки приделал высокие ножки. Внутри устроил нагревательный калорифер, состоявший из двух слоев железа, расположенных близко один над другим. Пламя должно было ударять непосредственно в это железо и раскалять его докрасна. От него должно было нагреваться верхнее железо, более широкое, чем нижнее. Горячие газы, отходя от этого железа и обтекая его по краям, должны были нагревать стенки печи. Для разжигания примуса в одной из стенок была устроена небольшая, свободно открывающаяся дверца с несколькими отверстиями для притока воздуха.

Для вывода наружу продуктов горения была устроена тонкая труба, выведенная за стены агры в обычную печную трубу. Эта труба одновременно создавала тягу воздуха, необходимую для нормального горения примуса. Горячие газы, проходя по трубе, нагревали ее стенки и увеличивали теплоотдачу всего приспособления.

Строил я печку наугад. Работать приходилось в помещении, где температура постоянно держалась ниже -15° . Манипулировать с железом и инструментом было крайне не приятно, поэтому с печкой я возился около полутора недель. Траутман и Демидов все время относились к моей работе с нескрываемым скептицизмом, но я на это не обращал никакого внимания.

Бензиновая печь.

Примус для бензиновой печи.

Наконец, я в первый раз налил полный резервуар бензина, зажег примус и закрыл дверцу. Шум примуса был настолько незначительным, что совершенно не раздражал. Я усился рядом с примусом и беспрестанно щупал резервуар — нагревается он или нет. Сидел до тех пор, пока не выгорел совершенно весь бензин и примус не потух. Печка сразу же, как только был зажжен примус, накалилась настолько, что брызги воды, попадавшие на нее, испели и мгновенно испарялись. Трубы на всем протяжении в агре и на некотором расстоянии за ней были теплые. Температура в агре очень быстро поднялась до +25°, и теплый воздух распределялся значительно ровнее, чем при «отоплении» лампами.

Так появилась в нашей жизни «шипейла», как окрестили шутя мы бензиновую печь за небольшой шипящий шум, который она производила во время работы.

Топливная проблема была решена блестяще. Через несколько дней мы стали зажигать лампы только для освещения, тем более, что запасы керосина уже подходили к концу. Траутман и Демидов все чаще заходили и спрашивали:

— Ну, как печка?

Наконец, Траутман попросил меня отпустить материал для устройства такой же печки. Вдвоем они быстро соорудили ее. Таян свою агру отапливал жировиком, — для него этот способ отопления был более привычным, чем бензиновая печь.

Теперь нам предстояло как-то разрешить задачу с освещением. Керосина уже не было даже для освещения. Еще с давних времен на складе хранился небольшой запас стearиновых свечей. Я распределил эти свечи между сотрудниками, но их было так мало, что нехватило бы даже на темные месяцы.

Выход трубы через мех агры был изолирован так, что исключалась всякая опасность пожара, но в то же время обеспечивалась полная защита от проникновения холодного воздуха в агру.

Из тонких реек была сделана рамка размером 25 × 25 сантиметров. С одной стороны к ней был прибит лист жести с круглым отверстием, в которое проходила труба. В полотнище стены на высоте 1 метра 80 сантиметров от пола было вырезано квадратное отверстие чуть меньше рамки; к краям этого отверстия прибита рамка со стороны, противоположной жести. Жесть, нагреваясь у места соприкосновения с трубой, вследствие быстрой теплоотдачи и низкой температуры воздуха за стенами агры теряла это тепло, раньше чем оно доходило до деревянной рамки и прибитого к ней меха.

К этому времени дух изобретательства уже охватил весь коллектив. Была изобретена бензиновая свеча. Изготовил ее по собственному проекту Демидов.

Для поделки свечи Демидов взял резервуар негодного примуса. Он снял горелку, выпаял из него воздушную помпу, оставил только воздушный клапан. Затем от гильзы обычного винтовочного патрона Демидов отрезал дно и сделал небольшую фасонную трубку, а из пули выплавил свинец и тонким напильником пропилил на ней канавку в виде пояска на расстоянии 3 миллиметров от верха, доведя при этом стенки оболочки до минимально возможной толщины. Обычной швейной иглой с отломанным острым концом, заточенным на маленьком бруске в виде сверлышка, в канавке на пуле были просверлены три отверстия. Полученную таким образом горелку Демидов припаял серебром к гильзе, а гильзу обычным третником припаял к патрубку примуса. Перед припаиванием к примусу в гильзу был вставлен фитиль из асбеста, чтобы бензин лучше подавался к горелке.

Для зажигания этой свечи достаточно было одной спички. Горелка быстро нагревалась, бензин испарялся, пары его выходили из отверстий и горели ярким белым пламенем в три язычка.

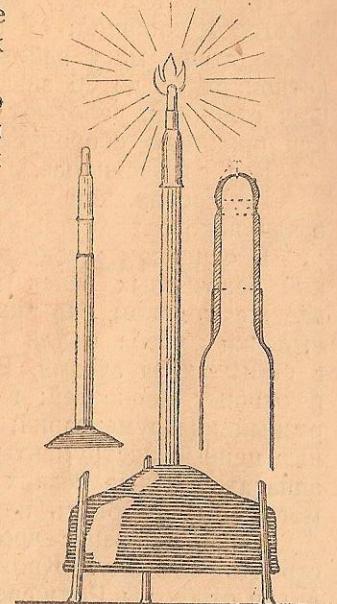
Через некоторое время количество паров бензина увеличивалось, они не успевали сгорать, и свеча начинала густо коптить, покрывая все кругом жирным слоем сажи. Тогда приходилось через воздушный клапан спускать излишний воздух из резервуара, и свеча переставала коптить.

После первого опыта, признанного вполне удачным, было изготовлено несколько таких свечей.

Несмотря на то, что у нас уже не было никаких надежд на приход «Челюскина» или вспомогательного судна, все же я стремился как можно скорее установить связь с материком. Но, на наше несчастье, Траутман, взявшийся за это дело, не был радиостом. Может быть, как радиотехник он и имел кое-какие знания, но принимать на-слух и передавать он не умел или умел очень плохо.

Беда была еще и в том, что, не зная дела, он не только не хотел учиться, но и скрывал свое неумение от нас, стал на путь прямого очковтирательства.

Я пытался выяснить, почему не налаживается связь. Первоначально Траутман мотивировал это недостаточной мощностью рейдового передатчика и просил разрешения построить самодельный, более мощный. Я ему разрешил, он построил то, что хотел, но связи не было.

Бензиновая свеча

— Передатчик работает лучше рейдового, — заявил он мне.

— Почему же связи нет?

— Слышимость плохая.

Несколько раз он объявлял, что связь уже установлена то с бухтой Амбарчик, то с мысом Северным, но нам от этого было не легче. Стоило мне написать телеграммы, говорящие о положении на острове, и дать ему для передачи, как сейчас же «связь прекращалась».

Мы с Власовой продолжали слушать широковещательную станцию при помощи приемника, установленного мною еще зимой 1932 года. Каждый раз, когда включали репродуктор, к нам врывалась целая бури точек и тире. Определить — наши это, советские станции или, как говорил Траутман, только «иностранные», мы не могли. Но ведь на мысе Северном имелась мощная станция, были станции в Уэлле, в Анадыре. «Не может быть, — думалось мне, — чтобы ни разу Траутман не наткнулся на нашу советскую станцию».

Однажды я предложил ему установить круглосуточное прослушивание по всему диапазону коротких волн, с тем чтобы выяснить, какие советские станции и в какое время работают, записать все, что они передают. Он пытался уклониться от этого, ссылаясь на незаконность приема не нам адресованных телеграмм. Мне необходимо было проверить возникшее предположение об очковтирательстве, поэтому я приказал сделать однократную запись всех обнаруженных станций, сняв с него ответственность за «подслушивание».

По прошествии установленного срока Траутман подал мне рапорт, в котором сообщил: «Я не специалист радиост, а радиотехник и летчик-наблюдатель, могу работать, передавать и принимать в пределах самолетной связи до 60 знаков в минуту, радисты же, работающие на наших станциях, работают слишком быстро, и я не могу ничего принять или принимаю с пропусками».

Все разъяснилось.

На протяжении всего этого года, до тех пор, пока нам не привезли нового радиоста, мы связи так и не имели.

В основном жизнь протекала более или менее нормально. Установкой бензиновых печек мы резко сократили потребность в дровах, но все же целиком без них обойтись не могли. Дрова требовались для выпечки хлеба и для протапливания железных печурок, стоявших в комнатах за аграми. В этих комнатах хранилось большое количество различных ценностей: в комнате радиостов — аптека, много литературы, разный инструментарий; в нашей комнате — тоже литература и различные ценные инструменты в виде микроскопов, теодолита, фото- и киноаппаратов. Из-за резких температурных колебаний эти ценные приборы могли бы погибнуть или сильно попортиться.

Основной запас дров у нас был на севере, где мы предполагали строить зимовку. Кроме того, в устье реки Клер, километрах в тридцати от бухты Роджерс, стояла полуразрушенная юрта и две пустые юрты имелись в бухте Сомнительной. Решил все эти юрты разобрать и вывезти на Роджерс.

Вывозка дров была организована так, чтобы не отрывать эскимосов от промысла песца и медведя. По моему распоряжению, они обязаны были каждый раз, когда ехали по личным делам в бухту Роджерс, вывозить со становища предельно возможное количество древесины. За это была установлена плата. Такой косвенной подвозкой, по пути, были вывезены юрты из бухты Сомнительной, некоторое количество дров, заготовленных в бухте Предательской еще с осени 1931 года, а также вся древесина, заготовленная осенью 1933 года на постройку жилищ на севере.

Расход дров был у нас строго нормирован. Распиловка и рубка были поручены определенным лицам; они же ежедневно отпускали на каждую печь установленное количество нарубленных дров.

Только когда закончилась охота на медведя и наступила пора, если можно так выразиться, междустрядья, эскимосы и их упряжки были мобилизованы для вывозки дров с севера. Необходимо было заготовить возможно большее количество древесины на весну. С наступлением теплой погоды дома начинали оттаивать и сыреть. Важно было их просушить и не допустить появления грибков. Поэтому привозимая на весну древесина составляла неприкословенный запас, из которого никому не разрешалось брать ни одной щепки.

Соблюдая жесткую экономию в расходе дров, хлеб мы выпекали один раз в десять суток. На десять же дней готовили и обед — гречневую кашу, бульон и пр. Все это выносили на мороз и по мере необходимости расходовали. День выпечки хлеба мы использовали и для бани.

Баня у нас была, как говорится, «усовершенствованная», с «душем-самотеком». Комната, в которой пекли хлеб, а затем мылись, за то время, пока ее не топили, основательно промерзала, потолок покрывался инем, сверху на него через щели в крыше наметало много снега. Хотя мы снег регулярно счищали, все же некоторое количество его оставалось. В банный день помещение основательно нагревалось, и снег на потолке таял. На голову и спину моющегося беспрерывно капала грязная ледяная вода, и обычно мысывали проклятиями этот «душ-самотек».

Первое время были большие затруднения с получением воды. В прежние зимы, когда отапливалась кухня, мы набивали в баки снег, и он постепенно превращался в воду. Если требовалось ускорить процесс, ведра со снегом ставили на плиту или примус.

Но теперь кухня не топилась, температура в ней обычно была ниже нуля. Во время обеда, завтрака или ужина мы садились за стол в меховой одежде, с шапками на голове. Пар, поднимавшийся от кастрюль и из тарелок с супом, замерзал на потолке, образуя сталактиты. На примусах натопить потребное количество снега было очень трудно, хотя мы всячески экономили воду. Держать баки с водой в аграх мы не могли, — во-первых, для этого не было места, во-вторых, это привело бы к порче агра.

Промаявшись некоторое время, мы додумались использовать для

получения воды имевшуюся у нас на радиостанции паяльную лампу. Заложив в бак снег, мы ставили около него паяльную лампу и через некоторое время получали воду. Кстати, после того как растаивал снег, необходимо было поднять температуру воды градусов на пять выше нуля, иначе вода в баке превращалась в глыбу льда. У нас однажды такой казус случился, и чуть было не погиб наш единственный бидон.

При горении лампы развивалось много тепла, и мы стали пользоваться ею для нагревания воздуха в кухне во время завтрака и обеда, чтобы не сидеть в шапках и не кутаться в меха. К сожалению, при горении лампы воздух сильно загрязнялся отходящими газами. Угар бывал иногда так велик, что ел глаза. У меня в связи с этим развился стойкий фарингит (острый катар глотки). Полагая сначала, что это результат простуды, я перестал выходить на воздух и всю лежавшую на мне работу взвалил на Власову. Истратив массу всяких лечебных средств, я толку не добился. Мне и в голову не пришло, что виной этому лампа, так как стойкие фарингиты развиваются в результате отравления слизистой оболочки глотки какими-либо газами. Обнаружилось это случайно. Несколько дней мне не пришлось работать в кухне, и от моего фарингита не осталось и следа. После такого открытия мы стали реже пользоваться лампой и предпочли за едой кутаться в меха.

От постоянного пребывания на холоде и пользования холодной водой у некоторых из нас на руках появились язвы. Сначала надувался волдырик, как от ожога, потом он прорывался и на этом месте образовывалась язвочка, которая постепенно увеличивалась. За первой появлялась вторая, третья. Первое время мы лечили их мазями и примочками, но язвочки упорно росли и возникали вновь. Потом я «прописал» страдающим от тепленную воду, воспретив совершенно касаться холодной воды и выходить на мороз без рукавиц. Через несколько дней от язв не осталось и следа. В дальнейшем, чтобы избежать язвенных поражений рук, мы практиковали элементарную профилактику. Больше они не появлялись.

Несмотря на трудности, мы с Власовой не бросали научной работы. Не удавалось только отвлечься для поездок по острову, так как метеорологическая служба после отъезда Павлова целиком лежала на мне. За все время не было пропусков в метеорологических наблюдениях, за исключением двух случаев в один из зимних пургливых дней, когда сила ветра была столь велика, что сбила меня с ног и я, чтобы добраться до дома, принужден был ползти на брюхе.

С появлением солнца начал работу гелиограф Кемпбела. Подготовка его к работе отняла очень много времени, так как в наших запасах не оказалось бланков для этого прибора. Вооружившись карандашом, циркулем и лекалом, я по многу часов подряд вычерчивал со скрупулезной точностью бланк за бланком, проводил необходимые линии, вырезая бланки ножницами, окрашивая их.

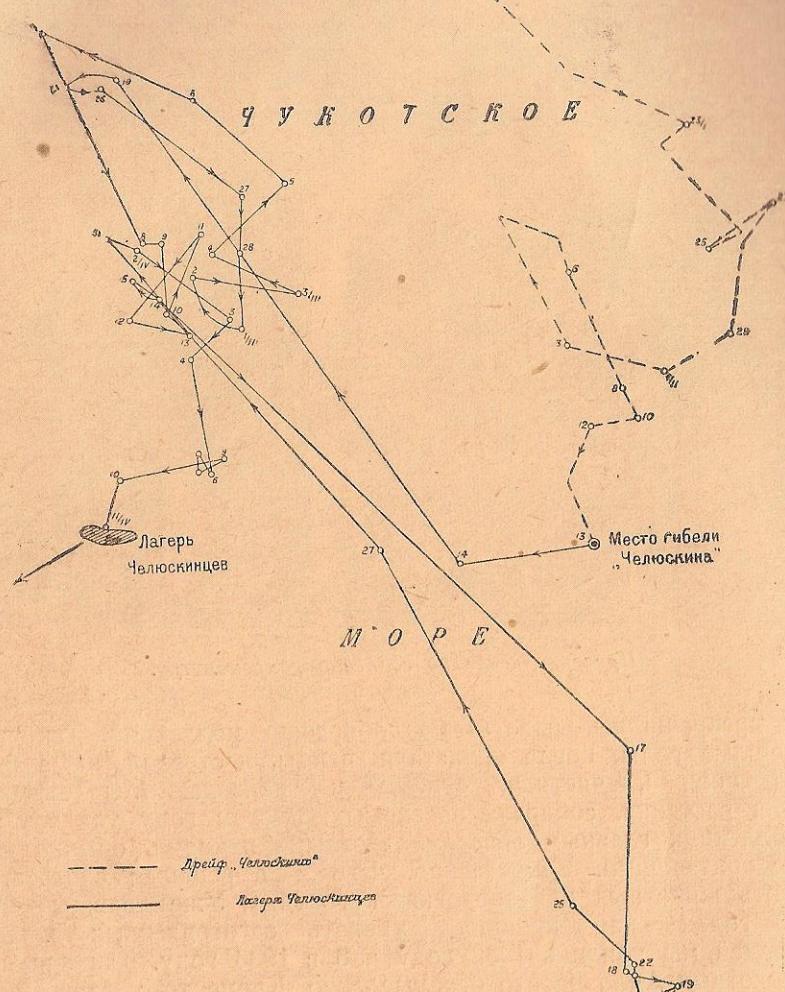
Почти полгода до прихода «Красина» наш гелиограф работал на этих самодельных бланках. Сделать их пришлось не одну сотню штук.

Проверка часов по солнечному хронометру.

Не прекращались работы по собиранию коллекций. Так же как и в прошлые годы, когда прилетали птицы, я стрелял их, а Власова снимала шкурки, чистила, сушила и набивала. Мы выкапывали и сушили растения, собирали насекомых. В этом году удалось пополнить коллекции главным образом залетными птицами, обычно на острове не обитавшими. Единственно, чего я не решился сделать, — это заготовить животных для зоологического сада. Уже дважды — в 1932 и 1933 годах — нам пришлось убивать заготовленных животных; 11 медведей мы убили в 1932 году и 8 в 1933 году. Так зря переводить животных было просто бессмысленно. Кроме того, за время, пока кормишь медведя и ухаживаешь за ним, к нему так привязываешься, что расстреливать его больно. На этот раз мы словили только полярных сов, и то больше для развлечения; эти прелестные птицы скрашивали многие часы нашего одиночества.

Благодаря нашему приемнику мы регулярно следили за тем, что делается вне острова. Еще осенью с волнением следили за судьбой «Челюскина». Большой радостью было, когда «Челюскин» вошел в Берингов пролив. Но вскоре его зажало льдом. Ждали мы, что в ближайший день-два лед разредится, и «Челюскин» быстро доберется до Владивостока, вписав еще одну славную страницу в историю советских полярных походов.

Дрейф «Челюскуна» и лагерь челюскинцев. 1934 г.

И вдруг «Челюскин» вместе со льдами стал дрейфовать прямо на север с невероятной быстротой — 40 миль в сутки. Потом последовали сообщения о сжатиях. Судно, зажатое льдами, носилось по воле льда, течений и ветра, то удаляясь, то приближаясь к желанному проливу Беринга.

Время шло. Осенние морозы сковали льды, и уже трудно было надеяться на благополучное окончание рейса.

«Челюскин» застрял. Нам, зимовщикам Брангеля, были особенно близки и понятны переживания советских моряков, которые в условиях тяжелой зимовки среди льдов, вдалеке от берега не унывали и не сдавались перед лицом неисчислимых тягот.

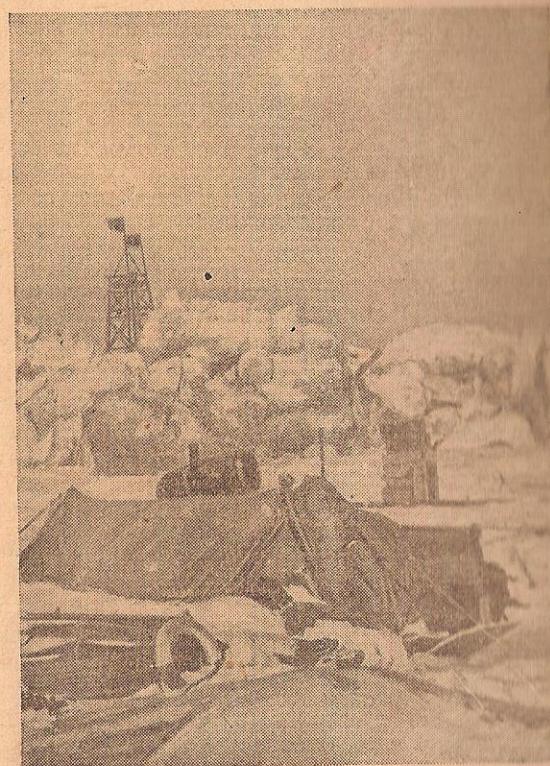
И вот однажды мы получили сбивчивое сообщение о том, что челюскинцы построили мачту и подняли на ней красный советский флаг, который над мертвыми льдами так же гордо реет, как на материке. Случилось, видимо, нечто непоправимое. Позже мы перехватили сообщения, которые восстанавливали во всех подробностях катастрофу, разыгравшуюся во льдах Чукотского моря. Экипаж, покинувший раздавленный льдами «Челюскин», выбравшись на лед, вел себя организованно и мужественно. Жизнь в ледяном лагере протекала нормально. Между тем на Большой Земле развертывались спасательные мероприятия огромного размаха. Со всех сторон стягивались самолеты, дирижабли, корабли. Из Ленинграда вышел в Чукотское море краснознаменный ледокол «Красин».

Я поручил Траутману во что бы то ни стало связаться с какой-нибудь станцией и передать слова приветствия героическим челюскинцам. Но он и на этот раз оказался беспомощным.

Все время, пока челюскинцы были на льду, мы с неослабным вниманием следили за этой героической эпопеей. Однажды мы услышали, что летчик Ляпидевский и штурман Петров, вылетев из Уэлена, добрались до лагеря Шмидта, благополучно опустились там и за один рейс вывезли всех женщин и детей. Потом наступили дни незабываемых полетов наших полярных летчиков, впоследствии первых Героев Советского Союза.

Одна группа за другой покидала лед. Вот уже и последняя четверка челюскинцев вывезена со льда. Затем почти каждый день слушали о триумфальном пути героев — челюскинцев через весь Советский Союз.

Мы были глубоко удовлетворены спасением наших

Лагерь челюскинцев.

товарищей и полны гордости за нашу родину, показавшую всему миру, как ценят людей в Советской стране. С волнением, часто и много говорили на эту тему.

Вскоре начались радостные события и на нашей зимовке. Кончалась и для нас невероятно трудная зима.

В первых числах мая 1934 года мы сняли агры и попробовали топить бензиновую печь в комнате. Оказалось, что наша «шипельль» довольно хорошо обогревает комнату; правда, теперь на улице уже было не так холодно, как зимой.

24 мая над бухтой появился самолет. Он кружил, выбирая место для посадки.

Посадка предстояла трудная. Осенью прошлого года перед самым ледоставом в бухту наташло торосов. Так они и остались. Рассчитывая, что с наступлением светлой поры к нам прилетит самолет, мы еще в конце марта начали готовить посадочную площадку. Пришло изрубить немало торосов. Крайние торосы я окрасил митленовой синькой, чтобы их сверху было лучше заметно¹.

Однако с наступлением теплых дней бухта «рассолодела», снег покрывший лед, во многих местах основательно подтаял, образовались большие лужи. Незадолго до прилета самолета снова ударили довольно сильные морозы, и лужи покрылись ледяной коркой. Она свободно выдерживала человека, но не могла выдержать тяжесть приземляющегося самолета. Поэтому приготовленная нами площадка была совершенно негодна. Более подходящую нашли Траутман и Демидов, они выложили посадочный знак на узкой ровной полосе льда параллельно берегу.

Машина, клюнув носом, пошла на посадку. Вот уже, прыгая на кочках, она покатилась по льду, накренившись на одно крыло, как подбитая птица. Мы всей гурьбой, проламывая ногами корку льда и ежеминутно падая, бросились к самолету. На лед выпрыгивали люди один, два, вот уже четыре человека стоят около самолета. Это были пилот Фарих, бортмеханик Бассейн и радиист-челюскинец Иванов и начальник зимовки на мысе Северном — Петров. Они прилетели по поручению правительства, чтобы завезти нам опытного радииста и узнать, что делается на острове.

Самолет, оказывается, еще 20 мая прилетал на остров, но побережье было плотно укрыто туманом, и пилот не смог ориентироваться. Найдя среди тумана «окно», рискнули сесть. Где именно, точно не знают. По их рассказам я установил, что сели они несколько западнее бухты Сомнительной. Если бы они попали к самой бухте, их неизбежно обнаружили бы люди, а тут, несмотря на то, что они в течение трех с лишним дней сидели на острове, их никто не заметил. Да и они не знали, как далеко и в каком направлении находятся фактория и станция.

¹ Потом я убедился, что синька — неподходящий материал для окраски льда, так как сверху ее не различишь.

При посадке машина потерпела небольшую аварию: были сломаны лонжерон, поддерживающий правую лыжу, и два шпангоута. Пришлось новозиться с ремонтом самолета, осложнившимся еще и тем, что у летчиков не было с собой деревообделочных инструментов. За универсальный инструмент пошел перочинный ножик, случайно оказавшийся у Петрова. Кое-как починив машину, они стартовали. При посадке в бухте Роджерс весь ремонт пошел наスマрку, и самолет опять был негоден для полета.

Пока выяснялись все эти подробности, Иванов с Траутманом и Демидовым отправились на радиостанцию. Власова уже хлопотали, приготавливая закуску и чай для гостей.

Не успели мы расположиться, как пришел эскимос и сообщил, что меня просят на радиостанцию.

На радиостанции Иванов отрапортовал:

— Товарищ начальник, связь с мысом Северным установлена, в Уэленом тоже.

Я сердечно поблагодарил Иванова. Наконец, мы имели связь — то, чего добивался я в течение почти двух лет.

Пока люди мылись, а потом закусывали, я наскоро набросал несколько телеграмм и передал их Иванову.

Вечером того же дня мы обсуждали вопрос об отлете с острова. Прежде всего надо было отремонтировать самолет. Бассейн и Демидов, как бортмеханики, могли сойти за опытных металлистов, но деревообделочников у нас не было. Бассейн и остальные откровенно заявили, что за изготовление нового лонжерона и шпангоутов они не берутся. Пришлось мне предложить свои услуги, так как на острове мне часто приходилось выполнять различные столярные работы и я, что называется, специализировался в этом деле.

Бассейн разъяснил мне, что такое лонжерон и каким он должен быть. Желательно сделать его из двух слоев, kleenym. Шпангоуты делать целиком не надо, можно использовать остатки старых, нарастив их. Все остальное — дело рук механика.

Ремонт был закончен 29 мая. Я решил отправить на материк Траутмана. С прилетом Иванова он был у нас лишним.

30 мая утром началась подготовка к старту. Фарих выбрал удобную, по его мнению, площадку для взлета.

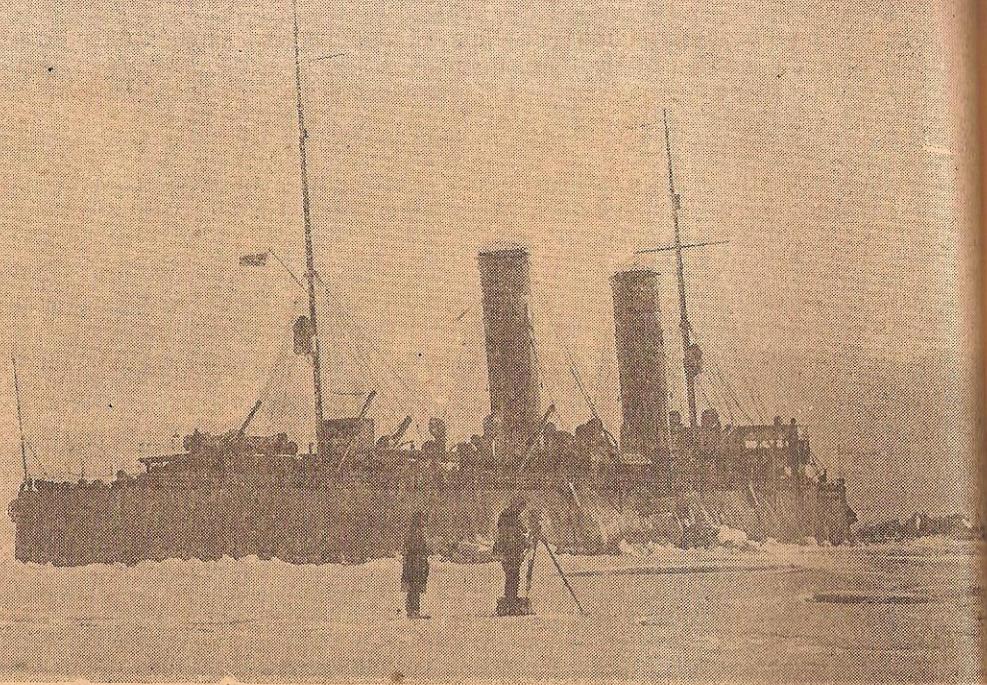
Самолет на льду. Люди по местам. Мотор работает. Фарих дал полный газ, и самолет ринулся вперед. Вдруг он на полном ходу остановился.

Мы бросились к нему.

Оказалось, что башмак костыля попал в трещину, зарылся под корку льда и остановил самолет. Минут через пятнадцать мы освободили башмак, и машина поднялась в воздух.

Спустя часа полтора Иванов принял радиограмму о том, что самолет благополучно опустился на мысе Северном.

Теперь мы имели связь с материком и могли в любое время за-

Ледокол «Красин».

просить и получить нужные сведения. Из-за недостатка радиоламп Иванов почти не пользовался большим передатчиком, а работал на регенеративном приемнике. Включив в цепь антенны ключ, он прекрасно разговаривал с мысом Шмидта.

В июне мы начали получать телеграммы от вновь назначенного начальника острова Семенчука, готовившегося к отъезду на остров. Никто тогда и не подозревал, какая черная страница в истории острова будет связана с его именем.

Как и в прошлые годы, я с Таяном готовил к сдаче новым людям все хозяйство острова. К нам шел «Красин». Ледовая обстановка складывалась настолько благоприятно, что к острову мог подойти и не ледокол.

Теперь мы чувствовали, что нам, наконец, удастся вырваться с острова и закончить нашу столь затянувшуюся зимовку. Понемногу начали готовиться к отъезду.

Несколько позже «Красина» в бухту Провидения из Владивостока вышел пароход «Совет», на котором были люди и снабжение для острова. 10 августа «Совет» добрался до бухты Провидения, где его уже несколько дней ожидал «Красин». Вскоре мы узнали, что «Красин» вышел к острову.

20 августа я получил с «Красина» телеграмму, из которой узнал,

что ледокол подошел к нашему острову у мыса Пиллар, взял курс параллельно берегу и через несколько часов предполагает быть у нас.

Все, за исключением радиста, вышли наружу. Кто мог, вооружился биноклем или зрительной трубой. Десятки глаз вглядывались в ту точку горизонта, где из-за мыса Гавай должен был показаться корабль.

Наиболее дальновидные вначале увидели легкий дымок. Заспорили — дым это или облачко. Но вот и корпус судна выдвинулся из-за мыса. Нам казалось, что судно идет очень быстро и что оно вот-вот будет у нас. Но совершенно неожиданно навалился туман и скрыл от нас ледокол. С «Красина» телеграфировали, что вынуждены остановиться, опасаясь из-за тумана сесть на мель.

Ночью туман рассеялся. «Красин» был прекрасно виден. На ледоколе зажгли прожектор, и его лучи, попадая через окно в нашу комната, освещали ее так ярко, будто мы зажгли сильную, во много сот ватт, электрическую лампу.

Эту ночь никто не спал на Роджерсе, а если и спал, то в «пол-глаза», то и дело выбегали взглянуть, не подошел ли «Красин». Рано утром «Красин» как-то незаметно для нас подошел почти вплотную к Роджерсу. Он стоял на чистой воде. За ним громоздились льды.

Я взял с собой Иванова, Демидова, Таяна и на вельботе отправился на судно. «Красин» до самого мостика был завален строительными материалами и всяким снаряжением и больше походил на грузо-

Знак, установленный на острове командой ледокола «Красин».

воз, чем на ледокол. Приземистая утюгообразная громада пододвигалась все ближе и ближе. Вот мы уже у самого борта. Подходим к трапу. Сверху нас приветствуют люди, хлопают затворы, кинооператор неутомимо крутит ручку аппарата.

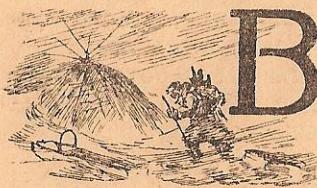
Я поднялся на судно. У трапа меня встретили десятки людей. После первых слов приветствий, рукопожатий и поцелуев я испросил разрешение привезти на корабль эскимосов и спустился обратно в вельбот.

Через некоторое время на корабле собралось все население острова Врангеля. На сушу остались одни только собаки.

Так закончилась наша зимовка, начатая пять лет назад — 29 августа 1929 года.

ГЛАВА XIII

ЧЕРНАЯ ГОДИНА НА ОСТРОВЕ (1934)

В 1934 году Главное управление Северного морского пути решило превратить маленькую научно-промышленную зимовку острова Врангеля в крупную полярную станцию с широкой программой научно-исследовательских работ и большим планом развития промысловой эксплуатации пушных богатств острова.

Поэтому ледокол «Красин» доставил на остров значительный штат — шестнадцать работников полярной станции, две семьи (пятнадцать человек) эскимосов из бухты Провидения, много разных грузов, строений.

За несколько дней стоянки «Красина» на косе рядом с радиостанцией выросли два больших жилых дома, а к северу от них — прекрасный склад с плотными стенами из шпунтованного леса и скотный сарай для привезенных на остров коров, свиней и баранов.

Образовалась самая настоящая улица. На столбах были подвешаны электропровода. Энергию давал нефтяной двигатель. Поодаль от жилья выросла громадная куча угля. На всякий случай топлива мы оставляли с большим запасом — больше 400 тонн. На краю косы у самой воды лежали высокой кучей бидоны с аммониалом, плотно укрытые брезентом. Аммониал предназначался для разведки ископаемых.

Метеоплощадку пришлось отодвинуть подальше, чтобы близость строений не влияла на показания приборов. Точно так же потребовалось перенести подальше и вешала для сушки медвежьих шкур.

У старого склада лежала большим бунтом мука — запас лет на десять, не меньше. Невдалеке от вновь построенного склада выселились штабели ящиков со всякими консервами, тут же лежали тюки с готовой одеждой, мануфактурой, обувью, галантереей и разной мелочью. К зданию рации свозили ящики с новым оборудованием.

По тундре, деловито похрюкивая и взрывая мордой верхний торфянистый слой, бродили свиньи. Тут же паслось несколько коров и единственная овца.

Видя такое большое строительство и обилие привезенных товаров, эскимосы искренне радовались: теперь им не придется терпеть материальные невзгоды и трудности. Неудивительно, что желавшие выехать на материк решили остаться на острове.

На «Красине» прибыла большая семья чукчи Попова, насчитывающая одиннадцать человек. Пока настоящим работником в этой семье был один Попов, а ребята были еще малы, но они вполне могли работать по дому и ухаживать за собаками. Через два-три года они уже могли помочь отцу и на охоте. Вторая семья, прибывшая на «Красине», состояла всего из двух человек — эскимоса Таграка и его жены. Грамотный, развитой, деятельный и инициативный, Таграк производил очень приятное впечатление. Как хороший охотник, он должен был занять среди промышленников одно из ведущих мест.

По плану ГУСМП основное внимание сосредоточивалось на метеорологических и гидрологических наблюдениях. Для проведения этих работ на остров прибыли два метеоролога и гидролог. Оснащение станции было пополнено аппаратурой для полного цикла аэрологических наблюдений; предполагалось поставить элементарные актинометрические наблюдения. Был завезен также большой железный мореходный катер.

Для топографической съемки острова прибыл опытный топограф-геодезист, а для обследования полезных ископаемых и общей геологической съемки — геолог.

У дома рации вместо двенадцатиметровой мачты была установлена двадцатипятиметровая. Кроме того, за лагуной на высоком берегу поднялась вторая, пятнадцатиметровая мачта. Связь с внешним миром не должна была прерываться ни на минуту.

Приехавшие научные сотрудники хотели поскорее приступить к работе. Широчайшее поле исследовательской деятельности открывалось перед ними. Но какое горькое разочарование постигло их! Сколько испытаний выпало на их долю! Как жестоко над ними поглумилась судьба!

Первые месяцы после ухода «Красина» с острова поступала нормальная информация о жизни и работе коллектива полярной станции и промышленников; иногда в столичной печати появлялись коротенькие заметки о том, что врангелевцы готовятся к зиме, что они чинят собачью упряжь, где-то у берегов острова добыли белуху. Словом, обычные сообщения о будничных делах зимовщиков. Но в феврале 1935 года с острова была получена крайне нелепая телеграмма:

«Эскимосы поголовно больны видами эпидемии брюшного тифа. Есть смертность».

Откуда на острове мог взяться брюшной тиф? Ледокол «Красин» ушел с острова 30 августа. Если тиф привезен новой сменой, то инку-

бационные сроки этой инфекции давно прошли. Откуда же могла появиться эпидемия?

За восемь лет жизни советских людей на острове ни одного случая заболевания брюшным тифом не было. Да и вообще никаких инфекционных заболеваний, кроме гриппа, там ни разу не наблюдалось.

Руководство Главсевморпути предложило Семенчуку принять решительные меры для ликвидации заболеваний. Ответная телеграмма начальника острова гласила:

«Эпидемия прекратилась. Тяжело больных нет. Цынгу ликвидировали. Было одно заболевание эскимосов. Умерло эскимосов пять».

Эта телеграмма вызвала еще большее недоумение. Тут и новое заболевание — цынга, о которой в первом сообщении не говорилось ни слова. А потом, как это — заболевание одно, а умерло пять человек?

У руководства Главсевморпути возникло предположение, что на острове не все благополучно, что дело не в брюшном тифе и не в цынге. Как могла возникнуть цынга при таком обилии завезенных на остров продуктов питания, в том числе специально витаминозных? Кроме того, противоцынготным витамином С богато моржевое мясо, заготовка которого на острове Врангеля особого труда не представляет. Тем более, что предыдущая смена оставила новым зимовщикам запас мяса из нескольких десятков моржей.

В конце декабря 1934 года при странных обстоятельствах погиб врач полярной станции Вульфсон. По сообщению Семенчука, доктор Вульфсон якобы замерз, затерявшись в тундре по пути на мыс Блоссом, куда он был послан для оказания медпомощи заболевшему эскимосу.

Для выяснения действительного положения дел ГУСМП сразу же по открытии весенней авианавигации командировало на остров начальника полярной станции Уэлен Жердева вместе с врачом Крашениниковым.

Они прилетели на остров Врангеля 10 апреля 1935 года и сразу же вскрыли вопиющие преступления начальника полярной станции Семенчука.

После ухода ледокола «Красин» Семенчук, вопреки здравому смыслу, принудил промышленников работать на Роджерсе по переброске привезенных грузов с косы в склады. Эскимосы не смогли использовать сентябрь для охоты на моржа и подготовки жилищ к зиме. Пока не наступило время ледостава, эскимосы охотно выполняли поручения Семенчука. Потом они стали беспокоиться и приходить к нему поодиночке и группами с просьбой дать им необходимые товары и отпустить домой. Но Семенчук всем отказывал, ссылаясь на то, что еще не все работы закончены и люди нужны на фактории.

Таян, Паля и некоторые другие промышленники обратились к Семенчуку с просьбой разрешить им организовать промысел моржа на пловучих средствах полярной станции, здесь же в бухте Роджерса. Семенчук не разрешил.

Эскимосы с тоской смотрели на море. В пределах видимости мимо Роджерса медленно проплывали на льдинах многочисленные моржовые лежки.

Наконец, Семенчук нашел возможным отправиться на охоту. Результаты оказались более чем плачевые. Командуя промышленниками, он отдавал нелепые распоряжения, сутился, шумел. Моржи уходили, раньше чем охотники успевали подойти к ним. В конце концов эскимосы отказались ходить с ним на охоту. Тогда самодур запретил давать им пловучие средства для самостоятельной охоты.

За весь сентябрь не было убито ни одного моржа. А запас, сделанный перед приходом «Красина», составлял в бухте Роджерса 40 туш, в бухте Сомнительной 23 туши, на мысе Блоссом 12 туш и на севере 4 туши.

Нормально для удовлетворения нужд островного хозяйства заготавливались 140—150 туш. При некоторой экономии могло хватить и половины нормы, тем более, что весной запасы мяса можно пополнить за счет охоты на белого медведя и нерпу.

Но в зимовьях оставались только женщины и дети, заготовленное моржевое мясо не охранялось, и большую часть его растасили медведи да поели собаки, бегавшие на свободе. Поэтому в зимовьях очень скоро мяса не стало.

Вернувшись в зимовья, эскимосы начали было промысел песца. Но приманки, состоявшие в лучшем случае из обглоданных медведями и собаками костей, а то и старой нерпичьей шкуры, не могли привлечь песца. Песец не ловился. Кроме того, от бескорыицы начался падеж среди собак, они дохли одна за другой, и вскоре эскимосам не на чем стало объезжать охотничьи угодья.

Эскимосы пошли за помощью на факторию. Они не сомневались, что получат там продукты в кредит и хотя бы немного мяса с косы.

Но Семенчук им отказал в помощи. Он заявил, что ничего в кредит отпускать не будет, а только в обмен на пушнину. Не дал он эскимосам и моржового мяса. В то же время на Роджерсе никто не удосужился привязать собак, и с ледоставом несколько десятков псов напали на склад мяса, никем не охраняемый и ничем не закрытый, и в короткое время от всего запаса оставили лишь обглоданные шкуры.

Эти преступные действия Семенчука не были случайны. Еще в меньшей степени их можно было объяснить неосведомленностью. Из-за явно небрежного отношения к подбору кадров остров попал в руки матерого врага, воспользовавшегося своей властью и бесконтрольностью. Этот бандит вплотил в себе черты кровавых колонизаторов прошлого, хищных конкистадоров, которые огнем и мечом уничтожали туземные народы, расчищая путь к собственному обогащению. Семенчук, этот современный конкистадор, случайно пробравшийся в ряды советских полярников, не скрывал своего презрения к туземцам. Он нагло заявлял, что все они лентяи и их надо держать в ежовых рукавицах.

На острове начался голод, а Семенчук разглагольствовал о необхо-

димости жестко регулировать выдачу продуктов («если, — говорил Семенчук, — выдавать им, сколько просят, они совсем разлениются и ничего не будут делать»). Зимой Семенчук разрешил выдавать каждому промышленнику в месяц по банке мясных консервов, 250 граммов риса, крупы и компота и килограмму сахара. Семьи эскимосов ничего не получали. Эта голодная норма ничего изменить не могла. На острове создалось дикое положение: эскимосы голодали, а склады фактории ломились от продуктов.

Эскимосские семьи, жившие в Роджерсе, не могли получить даже угля для камельков и должны были выходить из затруднений своими силами. Старуха Инкали, мать эскимоса Таяна, имевшего многочисленную семью, ходила, пока тундра не была покрыта снегом, с железным крючком и собирала ползучую иву. Эти «древа» больше чадили, чем давали тепла. Но когда тундру закрыло снегом, не стало и этого топлива. Старой женщине пришлось впрятаться в нарту и собирать на косах бухты Роджерс мелкие гнилушки, так как хороший плавник был сожжен еще в прошлые годы.

Зимовщики, видя, как бедствуют эскимосы, ночью тайком от Семенчука приносили им уголь и продукты. Но эти крохи не могли существенно облегчить положение эскимосов.

Если семьям, жившим в Роджерсе, время от времени кое в чем помогали зимовщики или они сами что-нибудь зарабатывали пошивкой одежды для зимовщиков, уборкой помещений и т. п., то положение живших на северной стороне было совершенно безвыходным.

Особенно плохо обстояло с продовольствием в семье эскимоса Анакули. Живя уединенно, он ниоткуда не мог получить помощи. Уже в самом начале зимы эта семья стала употреблять в пищу всякие суррогаты. Прежде всего были съедены еще не подошедшие к тому времени собаки. Но скоро и собак не стало. В ход пошла лахтажья и колотая моржовая шкура, которой была обтянута байдара. Кожу мелко крошили ножом и потом долго варили (хорошо еще, что на северной стороне было много дров).

Вскоре умер отец Анакули и его старший брат, а потом и его единственный сын. Анакуля с женой Нанехак остались одни.

Один за другим умирали дети. За восемь лет до того на острове умерло только двое детей — шести и семи лет. Среди детей грудного возраста смертности совсем не было. Теперь гибли не только дети, но мужчины и женщины в расцвете лет.

В первые же дни после ухода «Красина» начался разлад среди коллектива полярной станции. Семенчук, его жена и биолог Вакуленко терроризировали всех. Этой группе активно противостоял врач Вульфсон и его жена Гита Борисовна. Остальные, хотя и видели вредительскую политику Семенчука, открыто выступать против него боялись, опасаясь, как бы на материке это не сочли за бунт, — ведь Семенчук все же представитель власти. Кроме того, многие боялись и лично Семенчука, который запугивал угрозой физической расправы каждого, кто отказывался ему повиноваться. Таким образом, все эти люди, ясно

знавая, что Семенчук проводит антисоветскую, вредительскую политику, не находили в себе мужества разоблачить его.

Один только врач Николай Львович Вульфсон открыто указывал Семенчуку на неправильность его поведения в отношении эскимосов-охотников и их семей. Когда же среди промышленников начались болезни, Вульфсон стал активно, всеми доступными ему средствами бороться против действий начальника острова. Он резко критиковал Семенчука на собраниях полярников, писал о неправильности его поведения в стенгазете, пытался сообщить о его безобразиях на Большую Землю (эти телеграммы были задержаны на острове).

Честнейший и прямой человек, Вульфсон горячо полюбил эскимосов. Он как мог заботился о них, оказывал им всяческую помощь, настойчиво добивался отпуска необходимых продуктов.

Вульфсон явно мешал Семенчуку. И Семенчук решил убрать со своей дороги этого честного человека. Был спровоцирован вызов доктора на мыс Блоссом к якобы заболевшему эскимосу Тагью.

26 декабря 1934 года доктор выехал на Блоссом в сопровождении киура Старцева, который зарекомендовал себя как человек, абсолютно преданный Семенчуку; любое приказание Семенчука Старцев считал для себя законом.

27 декабря Старцев приехал в бухту Сомнительную и сообщил жившим там эскимосам Кмо, Етуи и Пале, что он в пурге по дороге потерял Вульфсона. Эскимосы очень обеспокоились и хотели немедленно ехать на розыски. Старцев удержал их, заявив, что ночью искать нет смысла. Кмо все же хотел выехать на розыски в одиночку, но Старцев сделал это ему не разрешил.

На следующий день Старцев весь день спал, и розыски организованы не были. Поехал один Кмо, но, не зная, где искать, вернулся ни с чем.

29 декабря Старцев выехал на розыски вместе с Кмо, но через полчаса вернулся обратно. На следующий день, то есть 30 декабря, на розыски ездили Кмо, Паля и Етуи, но в указанном Старцевым направлении ни Вульфсона, ни его наряды не нашли.

Только 31 декабря, захватив с собой всех эскимосов, Старцев поехал на Роджерс. По приезде он сообщил Семенчуку о случившемся; эскимосы в свою очередь рассказали о произошедшем работникам станции.

По требованию зимовщиков Семенчук вынужден был организовать поиски. 4 января тело доктора Вульфсона было найдено. Даже при беглом осмотре стало ясно, что доктор погиб от насильственной смерти. Никто, кроме Старцева, не мог совершить это убийство. Но под углами Семенчука был составлен акт о том, что доктор погиб по собственной вине, заблудившись в пути.

11 января полярники похоронили доктора Вульфсона невдалеке от флага СССР на мысе Пролетарском.

После гибели доктора положение эскимосов еще больше ухудшилось, они теперь не получали даже медицинской помощи. Г. Б. Вульф-

сон, жена доктора, была лишена возможности оказывать медпомощь, так как по распоряжению Семенчука аптека у нее была отобрана и передана Вакуленко — другу Семенчука.

Начиная с этого времени, эскимосы стали гибнуть один за другим — и взрослые и дети.

За восемь месяцев умерло двенадцать человек, среди них промышленники Тагью, Етуи, Нувок, Аналько, Таграк, женщины Синеми, Кизуткак, остальные — дети.

Прибывший на остров в начале апреля 1935 года И. А. Жердев быстро разобрался в обстановке. По его докладу, Семенчук был немедленно отстранен от работы и вывезен на мыс Шмидта.

За восемь месяцев вредительской деятельности Семенчука хозяйство острова пришло в полный упадок. Погибли почти все собаки, этот основной и единственный вид промыслового транспорта, только на полярной станции осталось несколько упряжек. Не сохранились и кожаные байдары, без которых промысел невозможен.

За весь сезон было поймано всего 50 песцов — 13 процентов от многолетней средней добычи на острове. Даже в первый год освоения

острова, в сезон 1926/27 года, песцов было добыто в два раза больше. Столъ же плохо обстояло и с другими видами промысла. Медведей заготовили в три раза меньше, чем обычно, мамонтовую кость совершенно не заготовляли, моржового клыка добыли очень мало.

Не лучшие шли и научные работы на полярной станции. Семенчук всячески тормозил проведение научных работ, систематически отказывал в необходимой помощи, в выдаче нужных материалов. Для работ, связанных с поездками по острову, он не давал собак. Геодезист Смирнов за время пребывания Семенчука с большим трудом выполнил только 12 процентов плана, а после вывоза Семенчука за четыре месяца сделал 116 процентов плана.

До 1934 года на острове Врангеля совершенно не проводились геологические исследования. Первый геолог был

Мемориальная доска на могиле доктора Вульфсона.

направлен в смене Семенчука. Но Семенчук отправил этого геолога обратно, мотивируя этот акт самоуправства разногласиями с ним. Таким образом, остров опять остался необследованным в геологическом отношении.

Почти ничего не смог сделать и гидролог Кузевалов. Зимой для доставки на место гидрологической станции всего оборудования (лебедки, батометров, вертушки Экмана-Мерца, палатки, пешень) ему требовалось не менее двух собачьих упряжек. А Семенчук либо вовсе отказывал в собаках, либо давал одну упряжку, но без помощника.

Прибыв на остров, Жердев сразу принял экстренные меры для ликвидации последствий вредительства. Все промышленники получили продовольствие, которое завезли им в становища на собаках полярной станции. Месячная норма выдачи была установлена по указанию доктора Крашенинникова и регулярно доставлялась по назначению. Туда, где не было топлива, завезли каменный уголь. Как только началось нормальное снабжение, полностью прекратились заболевания. Эскимосы занялись охотой на нерпу и лахтака.

Больных свезли в бухту Роджерс, где они находились под постоянным наблюдением Крашенинникова. В состоянии больных быстро на-

Могила доктора Вульфсона.

ОСТРОВ ЗАЛЕЧИВАЕТ РАНЫ (1935—1936)¹

ДВАДЦАТОГО августа 1935 года ледокол «Красин» вновь подошел к острову Врангеля. Прошел всего один год, но как много изменилось за это короткое время!

Первые раны в хозяйстве и жизни острова были залечены сразу после снятия вредителя. Но нужно было сделать еще многое, чтобы вновь наладить островное хозяйство, снова высоко поднять на острове знамя Советской страны, побывавшее в нечистых руках. Для осуществления этого требовался здоровый, свежий и работоспособный коллектив.

Подобрать такой коллектив и возглавить его руководство Главсевморпути поручило Гавриилу Герасимовичу Петрову — коммунисту, участнику гражданской войны, уже имевшему опыт работы в Арктике. Помощником его был назначен Владимир Сергеевич Казанский, старый коммунист, имевший за плечами двадцать лет партийной работы.

Коллектив был подобран крепкий. Степа Семенов с 1931 года работал в Арктике. Его заслуженно прозвали «золотые руки». Зимовал он на Земле Франца-Иосифа, на мысе Северном. Без отрыва от основной своей работы буквально «из ничего» построил на мысе Банкарем радиостанцию для нужд Комиссии по спасению челюскинцев. Метеорологом на остров Врангеля ехал Василий Первак, радистом — Валя Кутуков, аэрологом — Зайцев, врачом — Миткевич. В качестве геолога к полярной станции был прикомандирован ассистент кафедры разведочного дела Московского геологоразведочного института Леонид Громов.

Всего прибыло семнадцать человек — люди, готовые вынести любые трудности ради того, чтобы возродить былую славу острова Врангеля.

В первый же день новая смена и часть команды ледокола прошли на обрызгистый берег, где возле мачты с государственным флагом нашел свой последний приют доктор Вульфсон. Сняв шапки, люди стояли у одинокой могилы, огражденной невысокой решеткой. Строгое молчание тундры охраняло покой этого печального места. Только неугомонный прибой внизу, у подножия скал, вел свой нескончаемый рассказ.

Двое суток от борта ледокола к причалу и обратно сновали катера и кунгасы. На трети сутки прощальный гудок огласил побережье и окрестности бухты Роджерс. Ледокол покидал остров. Зимовщики провожали его, по традиции стреляя в воздух и подбрасывая в последнем приветствии шапки. Долго глаза оставшихся следили за удалявшимся кораблем. Но вот горизонт опустел. Все... Теперь домой... Домом стал деревянный поселок, низкая галечная коса, черные утесы...

¹ Главы XIV—XIX, по просьбе А. И. Минеева написаны Л. В. Громовым и М. Т. Киришиной. — Ред.

Новые хозяева поселка разошлись по комнатам, в которых им предстояло провести долгий год, а то и два и три года. Застилали молотки, потекли потоки мыльной воды. Каждому хотелось устроить свое жилье сообразно своим вкусам. Но и устроившись, первое время ходили по комнатам, как будто что-то искали. Выходя из дома, невольно задерживались на крыльце, глядя в морскую даль, — каждый оставил на материке дорогое и незабываемое.

День за днем нарастили новые заботы, они отодвигали воспоминания на второй план. Часть зимовщиков начала строить новый склад. Приходилось торопиться с постройкой, чтобы во-время разместить большое количество грузов. Другая часть зимовщиков строила «холодильник» — потреб для хранения мяса в теплое время года. И все по очереди отправлялись на катере охотиться на моржей. Необходимо было обеспечить мясом и ездовых собак станции и вновь организованный собачий питомник. Кроме того, по примеру прошлых лет, было решено создать мясной резерв на всякий непредвиденный случай. Всего в эту осень заготовили 60 моржей. Это было совсем не плохо.

Эскимосы к тому времени тоже успели хорошо поохотиться. Охотники и их семьи добыли более 30 моржей. Можно было спокойно ожидать прихода зимы.

Пока часть зимовщиков занималась налаживанием хозяйства полярной станции, научные сотрудники с первых же дней начали вести научные наблюдения. Метеорологи, аэролог и гидролог, каждый на своем участке, осваивали новые условия работы. Рация беспоребойно работала и передавала результаты наблюдений о состоянии погоды и льда.

В 1935 году были развернуты крупные геологические исследования в Арктике. В низовьях Лены, Енисея, Колымы, на побережье Чукотки — от Чайна до бухты Провидения — работали многочисленные геологические партии. Не был забыт и остров Врангеля. До сих пор его строение лишь угадывалось по отдельным образцам горных пород, доставленных

Г. Г. Петров — начальник полярной станции в 1935—1936 гг.

ступило улучшение. Один за другим они покидали постели и включались в трудовую жизнь острова.

Но самое главное — оздоровляющее влияние на эскимосов оказывало человеческое, любовное отношение к ним Жердева. Туземцы поняли, что советская власть осуждает политику Семенчука, этого волка, пробравшегося на их остров.

Однако одной продовольственной и медицинской помощью дело ограничиться не могло. Нужно было поставить на ноги хозяйство, чтобы оно жило не на иждивении государства, а результатами своего труда.

Из-за гибели собак и утраты пловучих средств большинство хозяйств с наступлением лета не могли самостоятельно провести заготовку моржового мяса. Поэтому было решено сбрать промышленников в бухту Роджерс и здесь, используя пловучие средства полярной станции, заготовить необходимое количество моржей, в осенью по воде или по первому снегу на собаках завезти мясо на зимовья.

Эскимосы охотно согласились на предложение Жердева, перебрались в бухту Роджерс и организовались в бригады для промысла моржа.

Для восстановления собачьего поголовья наиболее пострадавшим хозяйствам было роздано несколько собак с полярной станции. Научные сотрудники полярной станции с приездом Жердева сразу почувствовали, что теперь им не только не мешают, но, наоборот, заботливо помогают.

Все они дружно взялись за работу.

Тяжелая, мрачная зима постепенно забывалась. Следы семенчуковщины стирались. Эскимосы жили теперь так же, как до этой черной годины. Только скорбь по погибшим товарищам, женам, мужьям и детям не позволяла забыть о чудовищной странице в жизни острова.

Возвратившийся осенью 1935 года с острова Врангеля Жерден привез мне письмо от эскимоса Таяна — письмо, в котором скромными словами плохо знающего русский язык человека ярко рисуется весь ужас происшедшего и гнусность врага, пробравшегося к власти на этом отдаленном клочке нашей родины.

Вот это письмо.

«Здравствуй, бывший мой начальник (умилек)!

Я получил вас посылки с самолета, книжки, журналы, конфеты, фотографии. Учин рад посыпкоми. Получил с парохода «Красина» посылки и письмо от Казанского. Все эскимосы рады посыпкоми и фотографиям. Я раздал всем, кому написану. Шлем искрыни привет тебе и анахаку. Мы эскимосы вас помним, незабываем; скучай по вас.

Я живу на севери охотникум. Этому году охота очин плохая, мало песцов и медведи. Я сам не одного песца не поймал и не убил медведи, потому часто я болел очиня сельно. Хорошо, что доктора были хороший, мине спасли. Если бы не было докторов, я бы умер. А сыно мой Володка умер, жалием его. Он уже начал говорит по русски, здоровался докторами.

Когда я лижал, Инкали сама пишком ходила за дровами на кошку. На себя тащила наручу, потому, говорять, Семенчук дров не давал.

Насчет других охотников, чем оне болели, я незнаю. Почему мало поймали песцов? Оне говорят, потому, что работы много было и проболели. Все охотники заболевали, также умерло охотников: Тагею, Етуй, Навок, Тагаак (новый приежий), Синоми, Кивуткак.

Эти охотники умерли после гибели доктора. Он сам замерз, оне уехали в Блессом с Степкой. Пурга их застала по дороги, друг другу потерали и он погиб — так я слышал от Степки. Еще один русски биолог сам застрелился. Это я не знаю, по чиму, он застрелился, потому, что я только что начал ходит немного. Я лыжал 4 месяц, дажи был без памяти. Говорят, что я простудился на севери.

Семя Анакуля ели собак и кожи лахтачи. И у меня собаки подохли, очин мало осталось, потому, что мало было корму. У меня мясо не убрали с косы, та собаки, писали, обклотали много.

Насчет продуктов. Нам выдавали по одной банки на месяц мясных на человека. Охотникам сахару спирва по 2 кило, а потом по 1 кило, рису 0,25 на человека, компот тоже. И крупы охотникам выдавали спирва в кредит на 6 месяц, а потом только под пушнину.

А когда сменили Семенчука, прилител Жертев, припавили продуктов. Охота уже прошла, он охотникам дал поддержку и он помог охотникам. Дажи мы хотели его оставит, он отказался, потому что он больной хотел лечится.

Мы бы вам что нибудь послали, но у нас нечего нет. Ну мы знаем вы проживите как небуд. Ну, помни, если по чиму небуд нужно будет деньги, пиши телеграмму, а мы поможим вам, пошлем денег.

Шлю тебе и Власовой мой искрыни привет. Не забуду вас и все эскимосы опишдают не забыт. Очин довольный все охотники подарками и фотографий. Пока так.

Насчет моржовый охоты онас на Роджре совсим было плохо, потому что не зная нам начальник Семенчук руководствовал. Дажи носовому стрелку нельзя было махат рукой, показывают направление лежки, все таки знаем ход немного.

Но пока ничего писат. Еще раз шлю вам горячи, ярки, искрыни привет, жилаю числивой проживания

Ваш Тайн

Остров Врангеля. 1935, 31 августа».

Итоги вредительской деятельности Семенчука были подведены Верховным судом РСФСР в столице нашей родины Москве. Шесть дней в зале Верховного суда разбиралось дело о преступлениях на острове Врангеля.

Преступники пытались обмануть суд, но были изобличены многочисленными свидетельскими показаниями и точным анализом произошедших событий.

Семенчук и Старцев были приговорены к высшей мере социальной защиты — к расстрелу.